

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 80 + 81

«КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ»: ПОЧЕМУ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА МОЖЕТ ПЕРЕРАСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ВОЙНУ

Н.Н. Кошкарлова

*ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ),
Челябинск*

Статья посвящена анализу причин возникновения деструктивных явлений в современной массово-информационной коммуникативной среде. Анализируются приёмы и технологии, применяемые в информационном противоборстве. Ситуация в современных СМИ характеризуется перерастанием информационной политики в информационно-психологическую войну.

Ключевые слова: агрессия, конфликт, информационная политика, информационно-психологическая война, национальный дискурс.

“How Will Our Word Resound Then”: Why Communications Policy Develops into Information and Psychological Warfare

Natalia N. Koshkarova

South Ural State University, Chelyabinsk

The paper is devoted to the analysis of reasons of destructive phenomena in modern mass-informational communicative environment. The methods and techniques used in the informational confrontation are analyzed. The situation in the modern mass-media is characterized by developing the communications policy into information and psychological warfare.

Key words: aggression, conflict, communications policy, information and psychological warfare, national discourse.

В своих предыдущих работах [2] мы уже обращались к вопросу агрессивного характера современных средств массовой информации. При этом массово-информационная коммуникативная среда характеризуется конфликтом и агрессией в том случае, если «одна сторона пытается изменить определённые представления, которые были до этого введены и активно защищаются другой стороной» [4. С. 51]. Современная общественная и политическая ситуация предоставляет политологам, лингвистам, рядовым гражданам неисчерпаемый источник примеров возникновения и (или) даже создания конфликтной информационной среды.

Источником возникновения деструктивных явлений в пространстве современных СМИ являются вооружённые конфликты внутри отдельных государств (например, Украина), террористические акты по следам публикаций в СМИ (нападение на офис французского сатирического журнала *Charlie Hebdo*). Эти и другие политические события не могут не

влиять на характер информационной политики, осуществляемой странами, вовлечёнными в указанные выше конфликты. В этой связи правомерно говорить о таком явлении, как *информационное противоборство в политике*, которое Ю.А. Королёв определяет как «конкурентное взаимодействие субъектов политики, при котором они стремятся нанести ущерб друг другу преимущественно с помощью информационных средств и способов воздействия при одновременном стремлении защитить объекты собственной информационной инфраструктуры и информационного пространства» [1. С. 125]. Позволим себе не согласиться с автором в вопросе о защите политическими акторами своего информационного пространства. Анализ материала показывает, что в большинстве случаев технологии и методы, применяемые в информационном противоборстве, направлены в основном на дезинтеграцию и обвинение политических оппонентов, на провоцирование конфликтного и деструктивного взаимодействия.

Такое противоборство ощущается на уровне аксиологического компонента политического взаимодействия, когда святы на советском и постсоветском пространстве понятия девальвируются и заменяются на, казалось бы, более нейтральные, но лишённые исторической памяти термины. Так, Верховная Рада Украины признала не действующим закон «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» от 2000 года, а термин «Великая Отечественная война» неактуальным. Теперь украинский парламент предложил отмечать День памяти и примирения 8 мая. В данном случае мы можем говорить не только о фальсификации или отрицании очевидного исторического прошлого, но и формировании национального дискурса. Последний, с одной стороны, направлен на построение национальной идентичности, но с одновременным формированием негативного политического представления о России и бывшем СССР. Л.Н. Синельникова характеризует такую ситуацию как интегрирование в конгломерат «дискурса конфронтационного реагирования» «дискурса консолидации» и «дискурса разобщения» [6].

Подобная риторика поддерживается и широко эксплуатируется в других странах на постсоветском пространстве. Так, литовские власти на три месяца приостановили трансляцию российского телеканала «РТР-Планета», так как, по объяснению литовского национального комитета по телевидению, в одной из программ «формировалось мнение об украинцах как врагах, игнорировалась и принижалась целостность Украины» [7]. Действия такого рода со стороны литовских властей напоминают столь характерную для советского времени цензуру в СМИ, когда материалы, не совпадающие с точкой зрения официальной власти, не считались истинными и не доходили до целевой аудитории.

Таким образом, мы видим, что в этих и других случаях информационная политика становится «отправной точкой развёртывания информационно-психологических войн и информационной агрессии» [5]. С этой целью используются следующие приёмы:

1. Акцент на совпадении интересов, на совпадении прошлого и настоящего, задачей которого является максимальное сближение с аудиторией.

2. Привлечение авторитета для выдачи нужного сообщения.

3. Присоединение к мнению большинства – сообщение выдаётся как мнение большинства (все так думают, все так считают), в то время как противник подаётся как представитель меньшинства.

4. Подача предлагаемого решения как прогрессивного, представляя противоположное решение как отсылающее к прошлому.

5. Перевод спора в плоскость негативных характеристик самого оппонента, развенчание противника в другой области, поскольку плохой человек не может говорить правильные вещи [4. С. 51-52].

Информационное пространство современных СМИ характеризуется ещё одним приёмом, часто используемым с целью дискредитации оппонента и умалчивания правды об истинном положении дел. Речь в данном случае идёт об идеологическом преследовании людей, которые высказывают собственную точку зрения на происходящие события, а взгляды эти не одобряются официальной властью или руководством. Одним из самых резонансных событий подобного рода за последнее время стал запрет известной пианистке украинского происхождения выходить на сцену в Канаде из-за поддержки Донбасса. Валентина Лисица разместила в заметках в *Twitter* переводы новостей с местных украинских сайтов, поделилась сообщениями очевидцев о событиях на Украине. Все эти сообщения явились опровержением ложной информации, появлявшейся в западных СМИ. В ответ на такие действия исполнительницы её имя было убрано с афиш Симфонического оркестра Торонто, а другие площадки Канады отвечают молчанием. Такая позиция музыкального коллектива не могла не вызвать волну критики, так как, по мнению большинства пользователей социальных сетей и СМИ, культурное учреждение не может и не должно быть втянуто в политические игры.

В данном случае мы наблюдаем не только и не столько формирование определённой информационной политики, или дискурса СМИ. Речь идёт прежде всего о деструкции дискурса, под которой мы понимаем «нарушения кодирования / декодирования информации, влияющие на процесс восприятия и интерпретации мировых событий и обусловленные культурными различиями, этноцентризмом, стереотипами, свойственными участникам коммуникации» [3. С. 143]. Деструкция дискурса имеет свои характерологические особенности на межкультурном уровне, в межкультурном политическом пространстве, то есть при «взаимодействии субъекта, объекта и наблюдателя, представляющих разные национально-культурные сообщества, с неперменной вербализацией средствами языка, реализацией в текстах тех или иных жанров политической коммуникации и различной модальностью как следствия напряжённого или толерантного отношения коммуникантов друг к другу» [Там же]. Современное информационное пространство чаще всего характеризуется случаями напряжённого отношения акторов друг к

другу, а деструкция дискурса реализуется в таких феноменах, как *ликоущемляющие акты, коммуникативный сбой, коммуникативный промах, коммуникативный провал, коммуникативная неудача, коммуникативная помеха, коммуникативный барьер, языковой конфликт, речевой конфликт.*

В пространстве современных СМИ деструкция дискурса проявляется в различных приёмах и методах информационно-психологической войны, некоторые из которых были описаны в настоящем исследовании: изменение аксиологических приоритетов и установок путём смены идеологической парадигмы; цензура на высказывания в СМИ; идеологическое преследование людей, имеющих собственную точку зрения на происходящие события. С расширением арсенала средств массовой информации увеличивается и репертуар методов информационной политики, а вернее информационно-политической войны. Однако каждый пользователь традиционных СМИ, социальных сетей должен помнить, что любое слово, сказанное сегодня, существует не в изолированном пространстве истории и культуры, а вплетено в систему норм и правил определённого сообщества, его связей с другими народами и культурами. Только при таком взвешенном и обдуманном подходе можно с оптимизмом смотреть в будущее. И каждое слово, произнесённое сегодня, отзовется в сердцах потомков эхом взаимопонимания, уважительного отношения к истории народа, толерантности по отношению к инакомыслию и собственной точке зрения.

Библиографический список

1. *Королёв Ю.А.* Информационное противоборство в региональной политике как угроза безопасности // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Серия: Социология. Политология. Вып. 3. С. 124-127.
2. *Кошкарлова Н.Н.* Агрессивная массово-информационная коммуникативная среда // Предложение и Слово. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. С. 323-325.
3. *Кошкарлова Н.Н.* Лингвистические подходы к изучению конфликтного дискурса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 2. С. 142-146.
4. *Почепцов Г.Г.* Психологические войны. М.: Рефл-бук, Ваклер, 2002. 528 с.
5. *Тагильцева Ю.Р.* «Хто не скаче, той москаль»: информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 185-189.
6. *Синельникова Л.Н.* Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 95-100.

Источники

7. *Шестаков Е.* Вильнюс урезал российское слово // Российская газета. № 76. 10 апреля 2015 г.